определяет развитие событий, движение сюжета, а частные сцены и описания уточняют и углубляют характеристику персонажей, отдельные эпизоды.

В очерке «Пятьсот пятый идет в Куюмбу» автор рассказывает о рейсе каравана судов по Подкаменной Тунгуске, предшествовавшем началу навигации в низовья Енисея, когда в далекие таежные районы, на прииски, в эвенкийские фактории были доставлены за считанные дни десятки тысяч тонн грузов. Задача, по замечанию очеркиста, предстояла не из легких.

Первые главы очерка — своеобразная экспозиция общего плана повествования — знакомят нас с краткой историей развития судоходства по притокам Енисея, началом самого рейса и с экипажем рефрижератора номер 505, совершающим испытательное плавание. Однако уже здесь картины общего плана перемежаются и дополняются эпизодами и сценами локальными, в которых дается характеристика самого корабля, отдельных членов экипажа.

Рисуя захватывающие моменты борьбы речников со стихией, особенно при прохождении кораблей через речные пороги, показывая персонажей в деле, автор как-то незаметно, постепенно подводит читателя к основной теме очерка, проходящей через всю книгу — теме героических будней наших современников, их трудового подвига.

У А. Гиленко восторженное отношение к людям, богатству человеческих характеров. Он как бы просвечивает своих героев светом своей любви, и они предстают перед нами прекрасными, отзывчивыми, духовно богатыми. Всем содержанием книги очеркист напоминает, что его герои лишь тогда живут полнокровной жизнью, когда раскрывается в них духовное начало. А интенсивность духовной жизни определяется, по его мнению, степенью слитности человека с обществом, характером его жизненных идеалов и стремлений.

Прекрасен начальник проводки судов по Подкаменной Тунгуске капитан-наставник Лабадзе, в неизменной шапке, шлепанцах на микропорке, в расстегнутом кителе, сидящий по-домашнему возле передатчика, прихлебывающий чай и обстоятельно рассказывающий диспетчеру, как прошел день!..

А чем измерить мужество и самоотверженность жителей Норильска, монтажников, тянущих нефтепровод по трассе Омск — Новосибирск, или наблюдателя водомерного поста на Телецком озере Смирнова (очерк «Человек — сильнее!»)? Смирнов вырастил на каменистом берегу угрюмого безлюдного Кыгинского залива дивный сад, в котором рядом с тайгой и нетающими снегами Горного Алтая под ослепительно ярким солнцем «гнутся от тяжести плодов ветви яблонь», за ними — «грозди вишен, сизые дымчатые сливы, нежные абрикосы с капельками росы на мохнатой кожице»!..

Очерк смелее других жанров опирается на публицистику, язык цифр, статистики и фактов, но это не значит, что он лишен художественности, что ему непосильно изображение человеческих характеров, проникновение в психологию героев.

В книге А. Гиленко органически сочетаются публицистические проблемы, статистические данные, исторические документы с галереей человеческих судеб и характеров. При этом публицистические отступления, экономические расчеты и исторические справки не заслоняют человека и его дела. В очерке о Норильске автор пишет: «Норильск покорил меня не барабанной дробью победных рапортов, рассыпанных в иных газетных сообщениях, не умилившей некоторых паломников экзотичностью «маленького Ленинграда», не действительно ошеломляющими перспективами жемчужины Заполярья — Талнаха. Самое сильное впечатление оставили спокойно и уверенно одолевающие немалые трудности (действительные и нагнетаемые извне) люди Норильска и Талнаха».

Книгу А. Гиленко населяют десятки героев. Разные люди, неповторимые судьбы... Но большинство персонажей обрисовано все же бегло, эскизно, с внешней, производственной стороны. Более обстоятельно разработаны характеры в очерке «Доверие». Выведенные в очерке образы председателя колхоза Федосеева и секретаря райкома партии Столярова — подлинная удача очеркиста. Это люди социально активные, мыслящие, они продолжают галерею сельских коммунистов, нарисованных в произведениях В. Овечкина, Е. Дороша, Л. Иванова.

Геннадий Красухин

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Новая книга Варлама Шаламова «Дорога и судьба»[1] открывается стихотворением, программным для творчества поэта:

Я вовсе не бежал в природу,
Наоборот —
Я звезды вызвал с небосвода,
Привел в народ.

И в рамках театральных правил
И для людей
В игре участвовать заставил
Лес-лицедей.

Любая веточка послушна
Такой судьбе.
И нет природы, равнодушной
К людской борьбе.

[1] Варлам Шаламов. Дорога и судьба. Книга стихов. М., «Сов. писатель», 1968.

Это не только поэтическая программа В. Шаламова, это — его автохарактеристика, написанная как бы специально для того, чтобы читатель не ломал голову над тем, что же такое поэзия В. Шаламова и каково ее место в современном литературном процессе.

Варлам Шаламов — немолодой поэт, он выпустил третью свою книгу, в которой, как и в первых двух, собраны преимущественно стихи о природе. Впрочем, и стихи не о природе зачастую воспринимаются как продолжение «природных» стихов. Создается впечатление, что все сущее интересует поэта постольку, поскольку природа оставила на нем свой отпечаток. А в том, что на всем лежит отпечаток природы, В. Шаламов не сомневается. Было бы желание рассмотреть! Сам поэт следы природы, ее отпечатки различает без напряжения. Ему и вглядываться не надо: так уж устроено его поэтическое зрение, так сфокусировано его поэтическое видение. В. Шаламов не декларирует, когда обращается к поэзии: «Ты ведешь мою душу через море и сушу, средь растений, и птиц, и зверей». Он просто констатирует факт.

В стихах В. Шаламова мы чувствуем еще и нечто такое, что делает его стихи оригинальными. Чувствуем, что поэт не просто накоротке с природой. Он относится к ней как к одушевленному разумному существу, и в этом нет кокетства или чудачества. Природа в стихах В. Шаламова вызвана к разумной жизни редким умением поэта вдохнуть душу в предмет, причем душу, точно распознанную, свойственную только данному предмету.

Из поэтов, близких В. Шаламову, это умел делать Борис Пастернак. И правы были рецензенты первых шаламовских книжек, заметившие, что поэт наследует пастернаковскую традицию. Но В. Шаламов не повторяет Пастернака.

Пантеизм Пастернака хотя и дает знать себя в некоторых стихах В. Шаламова, все же не является особенностью его поэзии. Для характеристики этой особенности нам придется употребить слово: антропоморфизм. Поэт, декларируя: «Должна уметь одной природе быть послушной пластинки медь», как бы устраняется в некоторых стихах тем самым от привнесения своего «я» в природу, а если и привносит, то делает это с явной неохотой, предпочитая заставлять самовыражаться саму природу:

Осенний воздух чист,
Шумна грачей ночевка,
Любой летящий лист
Тревожен, как листовка

С печатного станка.
Станка самой природы.
Падение листка
Чуть-чуть не с небосвода.

Прохожий без труда
Прочтет в одно мгновенье,
Запомнит навсегда
Такое сообщенье...

Правда, стремление к полному самоустранению таит в себе ощутимую опасность некоторой сухости, неэмоциональности. Стихи, которые В. Шаламову удалось написать только от «я» природы, отмечены печатью поэтического аскетизма. Особенно неэмоциональны, аскетичны те стихи в книге, в которых поэт настаивает на покорности природе, как на решающем признаке художника («чтоб всей лесной могучей силе до гроба был покорен я»). К счастью, таких стихов в книге В. Шаламова немного.

Большинство стихотворений, составивших книгу «Дорога и судьба», пронизано внутренней убежденностью поэта, что «нет природы, равнодушной к людской борьбе». В. Шаламов всматривается в природу, изучает закономерности ее не для того, чтобы покорно, копиистски воспроизвести ее и ее закономерности. Одушевляя тот или иной предмет, В. Шаламов тотчас же вводит его в круг человеческих отношений, соотносит логику и судьбу этого предмета с логикой и судьбой человека. Иными словами — делает природу неравнодушной к людской борьбе. Так, воспевая северную сосну («я откровенней, чем с женой, с лесной красавицей одной»), поэт не преминет заметить: «Конечно, средь ее ветвей не появлялся соловей, ей пели песни лишь клесты, поэты вечной мерзлоты, зато любой полярный клест тянулся голосом до звезд», и мы без труда распознаем в этом штрихи личной судьбы человека, конкретное выражение его жизненного опыта.

С одной стороны, в стихах поэта заметно стремление предоставить слово природе, максимально устраниться самому. С другой стороны — далеко не все в самой природе устраивает В. Шаламова. Наделенный от жизни умением различать любую разновидность несправедливости, он не покорствует природе, когда замечает творимую ею неправедность.

Эта диалектика родила на свет лучшие стихи В. Шаламова. Она же сообщила его антропоморфизму своеобразный и неповторимый характер...

Суть этого своеобразия заключается в том, что в стихах В. Шаламова как бы присутствуют две души — поэта и описываемого им предмета. Событие, в котором участвует тот или иной предмет, предстает перед нами, как бы изложенное с двух точек зрения (не обязательно разных или тем более противоположных, напротив — чаще всего в основном совпадающих и дополняющих друг друга в частностях). Отпечаток этого своеобразия лежит на многих стихах, вошедших в книгу, в том числе и на «Стланике» — одном из лучших шаламовских стихотворений, которые из-за экономии места привожу в извлечениях:

Ведь снег-то не выпал. И странно
Волнуя людские умы,
К земле пригибается стланик,
Почувствовав запах зимы,

Он в землю вцепился руками,
Он ищет хоть каплю тепла.
И тычется в стынущий камень
Почти неживая игла...

...Но если костер ты разложишь,
На миг ты отгонишь мороз,—
Обманутый огненной ложью
Во весь распрямляется рост.

Он плачет, узнав об обмане,
Над гаснущим нашим костром,
Светящимся в белом тумане,
В морозном тумане лесном...

...Земля еще в замети снежной,
Сияет и лоснится лед,
А стланик зеленый и свежий
Уже из-под снега встает.

И черные, грязные руки
Он к небу протянет — туда,
Где не было горя и муки,
Мертвящего грозного льда...

Горечь от обмана испытывает не один стланик, но и человек, и к небу вместе с черными, грязными ветвями стланика простираются человеческие руки, и предчувствие стлаником близкой весны передается человеку: недаром стихотворение заключают строки: «И крепнут людские надежды на скорую встречу с весной».

«Нет природы, равнодушной к людской борьбе». И человек не должен быть равнодушен к тому, что делается в природе. В. Шаламов давно, еще в первых своих книгах, обнаружил сходство мира человеческого с миром природы. Одушевление природы есть своеобразный метод ее изучения. А пристрастие поэта к изучению природы легко объясняют следующие строки: «Нетрудно изучать игру лица актера, на ней лежит печать зубрежки и повтора... Сложней во много раз лицом любой прохожий, не передать рассказ его подвижной кожи» Поэта интересуют естественные побуждения, неподдельные чувства. А что может быть естественней самой природы?

Природа по Шаламову — катарсис. Соприкасаясь с ней, человек нравственно очищается, учится отличать большое и вечное от мелкого и суетного.

Такова нравственная задача шаламовской поэзии. Что же касается места стихов В. Шаламова в современном литературном процессе, то об этом лучше всего опять-таки словами самого поэта:

Я вроде тех окаменелостей,
Что появляются случайно,
Чтобы доставить миру в целости
Геологическую тайну.
Я сам — подобье хрупких раковин
Былого высохшего моря,
Покрытых вычурными знаками,
Как записью о разговоре
Хочу шептать любому на ухо
Слова давнишнего прибоя.
А не хочу закрыться наглухо
И пренебречь судьбой любою.
И пусть не будет обнаружена
Последующими веками
Окаменевшая жемчужина
С окаменевшими стихами.

В. Побожий

КРАСНАЯ ЛИНИЯ

Это произведение[1] — не роман и не повесть. В подзаголовке оно названо «книгой жизни». Его автор — старый большевик, бывший матрос-балтиец, один из тех, кто посвятил свою жизнь революции. Бесспорно, даже малая часть этой жизни не могла вместиться в несколько десятков страниц книги. Но также бесспорно и то, что эти страницы дороги и интересны последующим поколениям.

Михаил Осипович Пантюхов рассказывает о себе просто, ничего не утаивая и ничего не приукрашивая. Главой «Матрос с «Варяга» начинается книга. В ней рассказано о герое русско-японской войны, сделавшем попытку передать письмо проезжавшему царю — яркое впечатление детства, картина, словно предуготовившая смысл и содержание последующих рассказов. Матроса-инвалида, георгиевского кавалера, сбили с ног и арестовали, чтобы он не дерзал беспокоить «самодержца всероссийского». «Матроса волоком тащили по дорожке, и его деревянная нога чертила по песку кривую линию. У выхода из сквера уже дожидалась карета дворцового ведомства, в нее втиснули отбивающегося героя войны... Карета умчалась, а мы плакали навзрыд, повторяя: «Наш дяденька, наш дяденька «Варяг»... Это было время, когда вот-вот должна была разразиться революция 1905 года. Мальчишкой мечтал Пантюхов стать моряком. Едва не заплатил жизнью за право попасть в фельдшерскую морскую школу. Прошли десятилетия, а он не забыл, как оскорбили одного из участников известного подвига русских моряков... Потом, когда пришел Октябрь, Пантюхов становится командиром Первого республиканского отряда революционных матросов. Тяжелое ранение сделало его инвалидом. Партийная работа стала делом всей его жизни.

В книге мы знакомимся с рядовым коммунистом, прошедшим большой и трудный путь революции, гражданской войны и социалистического строительства. Автор не стремится дать облик эпохи, широкую общественно-политическую картину времени; его задачи скромнее: он рассказывает о некоторых эпизодах из своей жизни. Каким же он был, Михаил Пантюхов? Вот он, не раздумывая, бросается наперерез осатаневшей толпе бойцов, по подстрекательству белогвардейских агентов бросившихся бить «жидов и коммунистов». Вот он рассказы-

[1] М. Пантюхов. Красная линия. Из книги жизни. Альманах «Алтай», 1968, № 1.